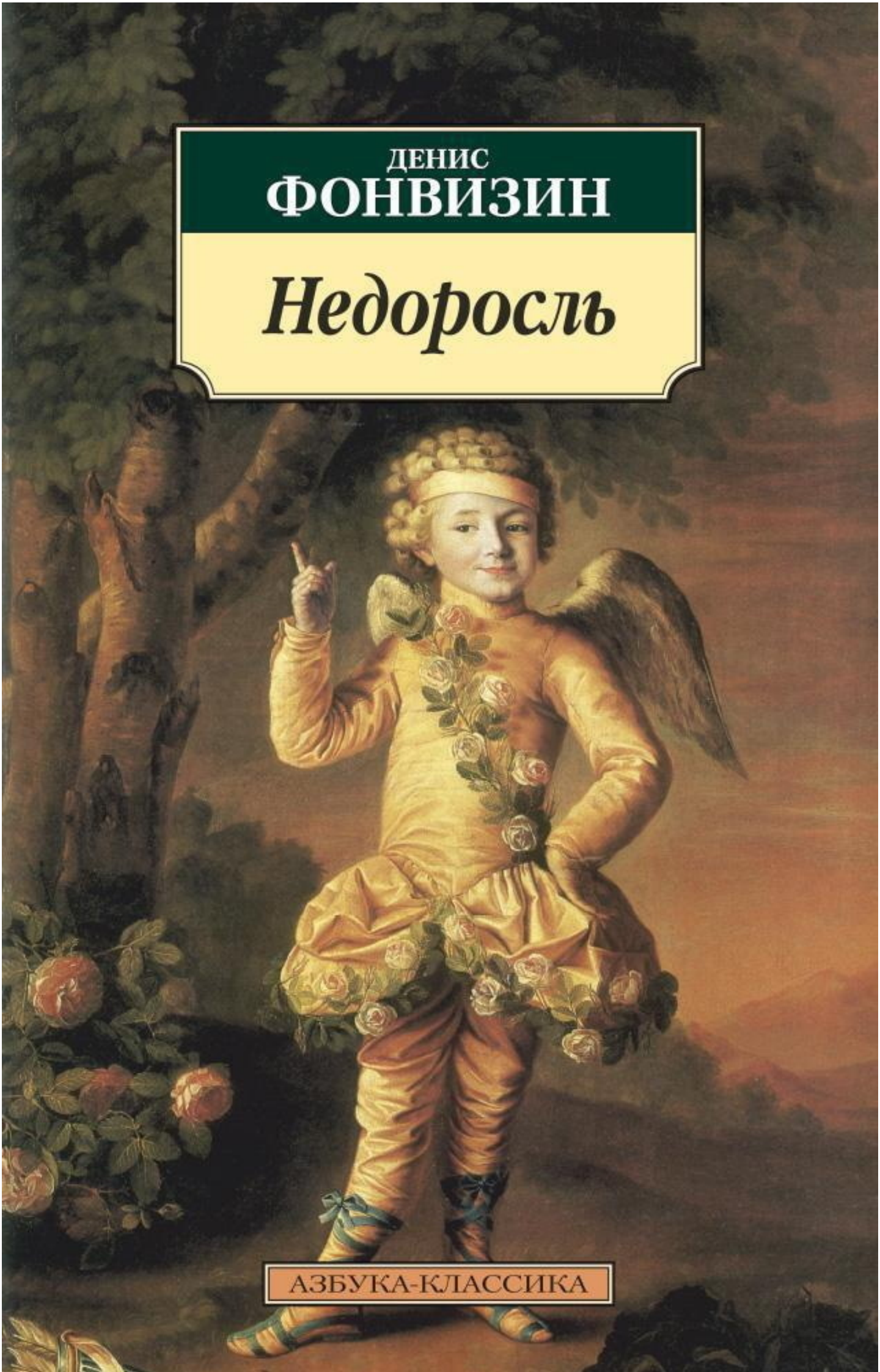
ДЕНИС
ФОНВИЗИН

Недоросль

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Денис Фонвизин

Недоросль

«Азбука»
1783, 1792

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-6

Фонвизин Д. И.

Недоросль / Д. И. Фонвизин — «Азбука», 1783, 1792 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-33260-7

Денис Иванович Фонвизин (1744 или 1745—1792) был талантливым прозаиком, смелым публицистом, трудолюбивым переводчиком, заметным государственным деятелем, но в историю русской литературы он вошел прежде всего как драматург, и в первую очередь — как автор неувядаемого «Недоросля», едва ли не единственной комедии XVIII века, которая до сих пор ставится в театрах и вызывает живую реакцию публики. В издании объединены драматические произведения Д. И. Фонвизина: «Бригадир», «Недоросль», а также материалы, подготовленные им для журнала «Друг честных людей, или Стародум», запрещенного цензурой. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)1-6

ISBN 978-5-389-33260-7

© Фонвизин Д. И., 1783, 1792
© Азбука, 1783, 1792

Содержание

Драматургия Д. И. Фонвизина 6
Бригадир 13
Действующие лица 13
Действие первое 14
Явление I 14
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Денис Фонвизин
Недоросль

Серия «Азбука-классика»

© А. Д. Степанов, составление, статья, комментарии, 2008
© Оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2011 Издательство Азбука®

Драматургия Д. И. Фонвизина

Денис Иванович Фонвизин был талантливым прозаиком, смелым публицистом, трудолюбивым переводчиком, заметным государственным деятелем, но в историю русской литературы он вошел прежде всего как драматург, и в первую очередь – как автор неувядаемого «Недоросля», едва ли не единственной комедии XVIII века, которая до сих пор ставится в театрах и вызывает живую реакцию публики.

Интерес будущего писателя к театру проявился очень рано, в годы учения. В 1758 году, когда его в числе лучших учеников московской дворянской университетской гимназии привезли в Петербург, чтобы представить куратору университета И. И. Шувалову, он впервые увидел театральное представление. «Ничто в Петербурге так меня не восхищало, как театр, который я увидел в первый раз отроду, – вспоминал в конце жизни прославленный драматург. – Играли русскую комедию, как теперь помню, „Генрих и Пернилла“. <..> Действия, произведенного во мне театром, почти описать невозможно: комедию, виденную мною, довольно глупую, считал я произведением величайшего разума, а актеров – великими людьми, коих знакомство, думал я, составило бы мое благополучие». Вскоре ему удалось познакомиться с Федором Волковым и Иваном Дмитревским (который впоследствии стал другом Фонвизина и первым исполнителем роли Стародума в «Недоросле»). Оба актера всего несколько лет назад были участниками ярославской любительской труппы, но в 1752 году были приглашены императрицей Елизаветой Петровной в Петербург и создали первый в России публичный драматический театр.

Странное для «русской комедии» иностранное название, которое приводит Фонвизин, объясняется просто: «русскими» называли все пьесы на русском языке. При этом оригинальных произведений почти не было: господствовали переводы западной драматургии. Упомянутая Фонвизиным комедия «Генрих и Пернилла» принадлежала перу известного в то время датского драматурга Людвига Гельберга и шла в русском переводе А. А. Нартова. С переводов сочинений этого автора начал свою литературную деятельность и Фонвизин: в 1761 году в типографии Московского университета вышла книга «Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Больберга, перевел Денис Фонвизин». Именно переводческие работы студента Московского университета, в особенности перевод трагедии Вольтера «Альзира», привлекли к нему внимание высоких лиц.

Летом 1763 года Фонвизин переезжает в Петербург, поступает на службу в Иностранную коллегию, а вскоре становится одним из секретарей Ивана Перфильевича Елагина – в ту пору вице-президента Главной дворцовой канцелярии, а впоследствии – директора театров и доверенного министра Екатерины II. Фонвизин – писатель «екатерининского века»: начало его творческой работы совпадает с либеральным началом нового царствования, а умер он за четыре года до смерти «северной Минервы».

Светскую жизнь в столице молодой человек совмещает с литературной. Он бывает в салоне супругов Мятлевых, знакомится с ведущими российскими писателями: А. П. Сумароковым, М. М. Херасковым, В. И. Майковым, И. Ф. Богдановичем, И. С. Барковым, постоянно посещает театры. Елагин, его покровитель в эти годы, сам был известным литератором и театралом. Он помогал Сумарокову в издании его первых трагедий, выступал с сатирическими произведениями, направленными против галломании, переводил Мольера и Прево, считался образцовым стилистом. Вокруг Елагина в середине 1760-х годов образуется кружок драматургов, который остался в истории словесности под названием «елагинского кружка». В него входили два секретаря Елагина – Фонвизин и В. И. Лукин, а также менее известные авторы: Б. Е. Ельчанинов, А. Г. Карин, друг Фонвизина Ф. А. Козловский. Задачей кружка было обновление театрального репертуара, причем с «русским» оттенком: в отличие от А. П. Сумарокова

(некогда учителя, а теперь литературного врага Елагина), члены кружка призывали не просто переводить западную драматургию, но «склонять» ее «на русские нравы». Вот что писал, метив в Сумарокова, Владимир Игнатьевич Лукин: «Кажется, что в зрителе, прямое понятие имеющем, к произведению скуки и того довольно, если он услышит, что русский подьячий, пришед в какой ни на есть дом, будет спрашивать: „Здесь ли имеется квартира господина Оронта?“ – „Здесь, – скажут ему, – да чего ж ты от него хочешь?“ – „Свадебный написать контракт“, – скажет в ответ подьячий. Сие вскрутит у знающего зрителя голову. В подлинной русской комедии имя Оронтово, старику данное, и написание брачного контракта подьячему вовсе не свойственно… я мню, что не можно русскому писателю сплести столь несвойственное сочинение». Речь шла пока о немногом: замене иностранных имен на русские, устранении несвойственных русской жизни реалий и замене их на приметы отечественного быта.

Именно так была написана (а точнее, перелицована на русские нравы) первая, еще очень робкая пьеса Фонвизина «Корион» (1764), представлявшая собой переделку вышедшей за двадцать лет до этого комедии Ж.-Б. Грессе «Сидней». Дворянин, удалившийся в деревню, потому что считает себя виноватым в гибели возлюбленной, благородный друг, приводящий к нему эту девицу живой и невредимой, ловкий и в то же время преданный слуга, спасающий господина от самоубийства, – действующие лица и фабула остались те же. Не по-русски звучат и имена главных героев: Корион, Менандр, Зеновия (в оригинале героев звали Сидней, Гамильтон, Розали). Но в отдельных деталях и характеристиках персонажей пьеса под пером Фонвизина меняется. Действие переносится в подмосковную усадьбу, герой становится русским армейским полковником, его слуга получает имя Андрей, вместо садовника появляется крестьянин, цокающий на псковский манер да к тому же жалующийся на разорение и притеснения. Новым в этой пьесе предстал образ наперсника главного героя, получившего у Фонвизина имя Менандр (*греч.* «твердый муж»). Он призывает деревенского отшельника забыть о личных горестях и вернуться к службе: «Ты должен посвятить отечеству свой век, / Коль хочешь навсегда быть честный человек». В Менандре справедливо видят набросок будущего Стародума.

В этой пьесе очевидна и другая тенденция, характерная для членов «елагинского кружка»: комедия, считали они, не должна быть чисто развлекательной, в ней обязательны драматические и «учительные» элементы. «Корион», наряду с комедиями Лукина («Щепетильник», 1765; «Мот, любовью исправленный», 1765 и др.), Ельчанинова («Награжденная добродетель», 1764) и самого Елагина («Жан де Моле, или Русский-француз», 1764), был первым шагом на пути к оригинальной русской комедии.

Настоящей «комедией нравов», в которой русские зрители начали узнавать самих себя, стал «Бригадир», созданный в 1768–1769 годах. Оригинальность этой пьесы заключалась отнюдь не в теме галломанства: о слепом подражательстве парижской моде писали и европейские авторы (например, популярный датский писатель Людвиг Больберг, пьесу которого «Jean de France» «переложил» Елагин), и русские писатели, начиная с одноактной комедии А. П. Сумарокова «Ссора мужа с женою» (1750; 2-я ред. – «Пустая ссора», 1769). Пьесу Фонвизина отличала от других, во-первых, продуманная композиция. Она заметна уже в расстановке героев: семь персонажей составляют несколько симметричных пар, связанных родственными отношениями и взаимной любовью-нелюбовью. Во-вторых, комедия представляла яркие характеры: солдафон и грубиян Бригадир, мздоимец и ханжа Советник, хозяйственная и недалекая Бригадирша, воспитанная на романах легкомысленная Советница, галломанствующий Иванушка-дурачок. Однако, как ни странно, этих персонажей нельзя назвать ни олицетворенными пороками, ни карикатурами. Каждый из них достоверен, у каждого есть своя «правда», их поступки мотивированны, а некоторые из них проявляют совсем не свойственные комедийным персонажам глубокие человеческие чувства. Наконец, каждый из героев говорил своим языком. Наряду с чисто комическим приемом «макаронического» смешения русского и фран-

цузского языков, в комедии впервые зазвучала настоящая разговорная русская речь (прежде всего в репликах Бригадирши).

Фонвизин, как единодушно свидетельствуют мемуаристы, мастерски читал свои произведения. И «Бригадира» современники впервые не прочитали, а услышали в авторском исполнении. Весной 1769 года Фонвизин несколько раз выступал с чтением пьесы перед знакомыми, и каждый раз имел успех. Его начинают приглашать в знатные дома, и в конце концов его чтение слышит сам фаворит императрицы граф Григорий Орлов. Через несколько дней, 29 июня, Фонвизина пригласили в Петергоф – к самой государыне. Поначалу он робел, сбивался, однако Екатерина была благосклонна, и молодой автор (а Фонвизину было всего 25 лет) постепенно выправился. Сам Фонвизин вспоминал: «Никогда не быв столь близко государя, признаюсь, что я начал было несколько робеть, но взор российской благотворительницы и глас ее, идущий к сердцу, ободрил меня; несколько слов, произнесенных монаршими устами, привели меня в состояние читать мою комедию пред нею с обыкновенным моим искусством. Во время же чтения похвалы ее давали мне новую смелость, так что после чтения был я завлечен к некоторым шуткам и потом, облобызав ее десницу, вышел, имея от нее всемилостивейшее приветствие за мое чтение» («Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях»).

Как это часто бывало в екатерининское время, судьба Фонвизина изменилась мгновенно: сразу после выхода из гостиной императрицы его останавливает граф Никита Иванович Панин (воспитатель наследника и глава Иностранной коллегии) и приглашает прочесть пьесу великому князю Павлу Петровичу. В конце того же года Фонвизин становится секретарем Панина по Иностранной коллегии. Отныне и до смерти Никиты Ивановича он принадлежит к оппозиционной Екатерине партии братьев Паниных, планирует вместе с ними либеральные реформы, пишет небывалое по смелости «Рассуждение о непременных государственных законах» (1783) и даже, как считают некоторые историки, принимает участие в заговоре против императрицы с целью возведения на престол Павла. После смерти Н. И. Панина Фонвизин создал свой памятник благодетелю – «Жизнь графа Никиты Ивановича Панина» (1784).

«Бригадир», имевший громкий успех в авторском чтении и одобренный самой Екатериной, тем не менее в течение долгого времени не мог попасть на сцену. По всей видимости, постановке комедии препятствовал бывший покровитель Фонвизина и директор императорских театров Елагин, не простивший бывшему секретарю ухода во враждебный лагерь. Расстраиваются и отношения Фонвизина с «елагинским кружком». Личная неприязнь в отношениях с В. И. Лукиным теперь перерастает в открытую вражду.

Несмотря на всеобщее признание драматического таланта молодого автора и призыв самого Панина «не оставлять… дарования», к драматургии Фонвизин обращается только через десять лет. За эти годы у него формируются новые – гораздо более либеральные – взгляды, значительно расширяется круг жизненных впечатлений: он женится, предпринимает длительное заграничное путешествие.

В середине 1779 года Фонвизин начинает писать «Недоросля» (первые наброски были сделаны гораздо раньше), а в марте 1782 года читает уже готовую комедию «в некоторых частных обществах». Как и в случае с «Бригадиром», пьеса имеет успех у слушателей, однако путь ее на сцену оказывается тернистым. В постановке на императорской сцене, намеченной на весну 1782 года, было отказано, и только в сентябре комедия ставится на сцене частного петербургского театра.

«Недоросль» – высшее достижение русской просветительской комедии, и как любое произведение, написанное просветителями, эта пьеса выполняет одновременно две функции – публицистическую и художественную. Первая из них – сатирическое обличение «злонравия» – была главной не только для автора, но и для зрителей. Скучные для сегодняшнего читателя рассуждения Стародума и Правдина воспринимались театральной публикой как острейшая публицистическая статья, вызывали неподдельный интерес. И при создании образов героев, и

в построении композиции пьесы Фонвизин исходил из острых социальных проблем: неограниченной власти помещиков над крестьянами, вопросов дворянского долга, воспитания и образования.

Проблема «недорослей»-недоучек, которых родители стремились не выучить, а сделать «гвардии сержантами», оказалась очень острой уже в елизаветинские времена. Вопреки воле Петра I, двумя специальными указами предписавшего дворянам, во-первых, обучать детей грамоте и цифири, а во-вторых, всем начинать службу с нижних чинов, при Елизавете Петровне родители начали незаконно, за взятки, записывать своих детей в полки унтер-офицерами, с тем чтобы они только числились на службе до совершеннолетия, а затем выходили в полк уже офицерами. Сам Фонвизин едва ли не с рождения был записан рядовым в гвардейский Семеновский полк. Что касается домашнего образования, то Цыфиркины, Кутейкины и в особенности Вральманы были самым обычным явлением – карикатурность фонвизинских героев заключена только в манере речи и поведении, их уровень знаний и педагогическое мастерство соответствовали действительному положению дел. О безграмотных учителях-иностранцах много писали еще в 1750-е годы. Когда в 1754 году обсуждалась возможность основания Московского университета, его будущий куратор И. И. Шувалов в докладной записке Сенату замечал, что есть многие, кто, «не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Сатирическое изображение такого наставника и его ученика – литературное «общее место» эпохи. Подобные герои есть даже в комедиях Екатерины II: француз из бывших кучеров, ставший учителем в дворянском семействе, появлялся в ее пьесе «Госпожа Вестникова с семьею» (1774), а дворянский недоросль восемнадцати лет, который «скоро часослов начнет», – в комедии «О, время!» (1772).

Если тема недостатков воспитания и образования была в общем-то разрешенной, то о другой публицистической теме – деспотизм помещиков – этого сказать нельзя. Неограниченная власть дворян над крепостными была закреплена указами самой «дворянской царицы» – Екатерины – еще в самом начале ее царствования, в 1765 году. Челобитные на помещиков были запрещены: за первую жалобу полагались каторжные работы на один месяц, за вторую – телесное наказание и год каторги, за третью – кнут и вечная каторга. Если по елизаветинскому указу 1760 года помещики имели право по своей воле ссылать крепостных на поселение, то Екатерина разрешила ссылать их и на каторгу. Не было ничего удивительного не только в уверенности госпожи Простаковой, что дворянин, когда захочет, своего слугу высечь волен, но и в появлении помещиц, подобных Дарье Салтыковой, умертвившей 75 человек своих крепостных. При этом Екатерина, которая зависела от дворянства и потому давала ему полную волю над «живым имуществом», все же на словах осуждала крайности деспотизма и призывала к гуманности и человеколюбию. К этим ее словам и апеллирует Фонвизин. В пьесе возникает человеколюбивый наместник (его представителем оказывается Правдин), который, по словам одного из екатерининских указов, должен выступать в качестве «заступника утесненных». А в финале имение Простаковых берут в опеку: такая законная мера по отношению к помещикам, тиранящим своих крепостных, была предусмотрена указом Петра I, однако не исполнялась, и Екатерина в одной из статей своего «Наказа» (1767) лицемерно сетовала на то, что подобное наказание «без действа осталося».

Театр в условиях несвободного общества живет политическим намеком: зрители склонны видеть в любой острой ситуации на сцене – трагической или комической – не только скрытые указания на события текущей политики, но и прямые выпады против носителя верховной власти. «Недоросль» дал первую в истории русской драматургии возможность подобного истолкования. Не исключено, что современники и сама царица увидели в Простаковой российскую императрицу. Во всяком случае, так считал Кондратий Рылеев, писавший в «Послании к Гнедичу»:

…И Змейкина, себя узнавши в Простаковой,
Сулила автору жизнь скучную в удел
В стране далекой и суровой.

Женщина, обладающая ничем не ограниченной властью; муж, не способный править (об этом говорилось в манифесте Екатерины, свергнувшей Петра III); полная зависимость подданных от глуповатого любимца-фаворита – этих совпадений современникам, по всей видимости, было достаточно.

Но если бы сила фонвизинской комедии заключалась только в смелой публицистике и в политических намеках, то она вряд ли пережила бы свой век. Кстати, именно так одно время считал Белинский: в статье «Русская литература в 1841 году», признавая роль пьес Фонвизина как «драгоценных летописей общественности того времени», он при этом отказывает им в праве называться «комедиями в художественном значении». Однако, как показала история, пьеса Фонвизина не превратилась в документ эпохи: ее читают и ставят на сцене до сих пор.

Причиной того, что «Недоросль» не канул в Лету вместе с пьесами Сумарокова, членов «елагинского кружка» и десятков драматургов XVIII столетия, стала необыкновенная живость его отрицательных персонажей. Эти герои, призванные, по идее, представлять отвлеченные пороки и добродетели (деспотизм, «скотство», раболепие, глупость), у Фонвизина вдруг превратились в живых людей. Они не были только комичными. П. А. Вяземский справедливо сказал о Простаковой, что она, как мольеровский Тартюф, стоит на меже трагедии и комедии. Ее слова и поступки не просто смешны, они вызывают те эмоции, которые с античных времен считаются приметой трагедии: страх и сострадание. Страх – перед жизнью, которая, по словам Гоголя, порождает «огрубелое зверство человека, происшедшее от долгого, бесчувственного, непотрясаемого застоя в отдаленных углах и захолустьях России». А сострадание – к матери, которая всю себя отдала любимому детищу, чтобы услышать от него в конце концов: «Да отвяжись, матушка, как навязалась…» Само «тиранство» Простаковой, как очень точно заметил Гоголь, прямо зависит от ее слепой материнской любви к Митрофану: «Эта безумная любовь к своему детищу есть наша сильная русская любовь, которая в человеке, потерявшем свое достоинство, выразилась в таком извращенном виде, в таком чудном соединении с тиранством, так что чем более она любит свое дитя, тем более ненавидит все, что не есть ее дитя».

Другой отличительной особенностью фонвизинской комедии было введение в литературу «сырого» жизненного материала, прежде всего бытового разноречия. Мы не знаем, как говорили и вели себя в быту люди XVIII века: все, что нам осталось от этой эпохи, – это художественные тексты, написанные по строгим классицистическим правилам, избегающие «подлых слов» и «низкого» жизнеподобия. Отдельные сцены «Недоросля» представляют своего рода «окошко», через которое можно заглянуть в далекое прошлое. По классицистическим правилам в комедии должны действовать фигуры почти аллегорические. Главным отличием пьесы Фонвизина уже современники стали считать натурализм – ничем не опосредованное воспроизведение жизни как она есть. Впоследствии это мнение закрепилось. Об этом писал Гоголь: «Все в этой комедии кажется чудовищной карикатурой на все русское. А между тем нет ничего в ней карикатурного: все взято живьем с природы…» Примерно так же отзывался о Фонвизине Белинский в статье «Литературные мечтания»: «Его дураки очень смешны и отвратительны, но это потому, что они не создания фантазии, а слишком верные списки с натуры…» (эту черту Белинский, тогда романтик, осуждает). В том же духе («вероятно… списано с натуры») высказывался о фонвизинских произведениях и Пушкин.

Насколько верна мысль о «списывании с натуры», мы судить не можем: Фонвизин не успел дописать свои мемуары, и свидетельств о работе над «Недорослем» не сохранилось. Точнее говоря, почти не сохранилось: есть поздняя запись П. А. Вяземского, автора первой моно-

графии о Фонвизине: «Пересказывают со слов самого автора, что, приступая к упомянутому явлению <явл. IV второго действия. – *А. С.*>, пошел он гулять, чтобы в прогулке обдумать его. У Мясницких ворот набрел он на драку двух баб, остановился и начал сторожить природу. Возвратясь домой с добычею наблюдений, начертал он явление свое и вместил в него слово *зацепы,* подслушанное им на поле битвы». Если судить по этому «осколку», то перед нами действительно не «создания фантазии», а «слишком верные списки с натуры». Эффект обновления языка в комедии создается за счет внедрения в текст грубого необработанного материала речей Простаковой, Скотинина, Митрофана, Еремеевны, который контрастирует с литературно-публицистическим языком Стародума, Правдина, Милона и Софьи, а также с комическими приемами имитации речи солдатской (Цыфиркин), семинарской (Кутейкин, который говорит почти исключительно цитатами из библейских текстов) и с искаженной русской речью иноземца Вральмана. Заметим, что, за исключением положительных героев (которые по большому счету остались аллегориями дворянского долга, государственной мудрости и воинской доблести), просторечие присутствует в репликах всех персонажей и все они так или иначе включаются в «натуралистические» сцены перебранок и потасовок.

Далеко не все современники Фонвизина восприняли «списки с натуры» как художественное открытие – наоборот, грубое просторечие и фарсовые сцены оскорбляли «хороший вкус» человека классицистической эпохи. Ипполит Богданович, будущий автор нежной поэмы «Душенька», присутствовал на первом представлении «Недоросля» и так отреагировал на «списанную с натуры» сцену драки Еремеевны со Скотининым:

Почтенный Стародум,
Услышав подлый шум,
Где баба непригоже
С ногтями лезет к роже,
Ушел скорей домой.
Писатель дорогой!
Прости, я сделал то же.

Богданович наверняка был не одинок в своем возмущении, однако, по свидетельству современника, простая публика была куда благосклоннее: «…Несравненно театр был наполнен, и публика аплодировала пиесу метанием кошельков» – то есть бросала актерам кошельки с серебром и золотом. Уже в начале XIX века комедия получила всеобщее признание и вошла в репертуар множества столичных и провинциальных, профессиональных и любительских трупп. Известно, что шестнадцатилетний Николай Гоголь, ученик Нежинской гимназии, превосходно играл в любительском спектакле роль Простаковой. Когда в 1788 году Фонвизин задумывает свой журнал, он называет его именем героя «Недоросля»: «Друг честных людей, или Стародум», а о себе пишет исключительно в третьем лице, как об «авторе „Недоросля“» – лучшей рекомендации читающей России было не нужно.

К сожалению, создать что-либо приближающееся по художественному уровню к «Недорослю» в последнее десятилетие жизни драматургу уже не удалось. Комедия «Добрый наставник», над которой Фонвизин работал вскоре после «Недоросля» (в 1783–1784 гг.), не была окончена. Судя по сохранившемуся отрывку, это произведение говорит об упадке дарования Фонвизина: герои (взятые на этот раз из высшего общества) прямолинейно-однозначны, мотивировки поступков (например, рассказа судьи Сорванцова о своей жизни) вовсе не прописаны, язык далек от разговорного. Почти то же можно сказать о неоконченной комедии «Выбор гувернера», которую Фонвизин писал в последние два года жизни, уже будучи тяжело болен. Здесь повторяются мотивы «Недоросля» (княжескому сыну-недоумку подбирают наставника;

изображается слепая любовь матери и сословные предрассудки), однако живых сцен нет: действием безраздельно завладевают прямые потомки Стародума: Сеум и Нельстецов.

Эти пьесы, равно как и запрещенный цензурой журнал «Друг честных людей» (из которого читатель узнает о дальнейшей судьбе Стародума, Софьи, Милона, Скотинина), оказались не более чем «документами эпохи». Однако «Недоросль» остается не просто обязательной частью школьной программы, но и действительно живым и интересным чтением для человека любого возраста.

А. Д. Степанов

Бригадир
Комедия в пяти действиях

Действующие лица

Бригадир.
Иванушка, сын его.
Бригадирша.
Советник.
Советница, жена его.
Добролюбов, любовник Софьи.
Слуга советничий.

Действие первое

Явление I

Театр представляет комнату, убранную по-деревенски. Бригадир, в сюртуке, ходит и курит табак. Сын его, в дезабилье, кобенясь, пьет чай. Советник, в казакине, – смотрит в календарь. По другую сторону стоит столик с чайным прибором, подле которого сидит Советница в дезабилье и корнете и, жеманяся, чай разливает. Бригадирша сидит одаль и чулок вяжет. Софья также сидит одаль и шьет в тамбуре.

Советник *(смотря в календарь).* Так ежели Бог благословит, то двадцать шестое число быть свадьбе.

Сын. Helas![1]

Бригадир. Очень изрядно, добрый сосед. Мы хотя друг друга и недавно узнали, однако это не помешало мне, проезжая из Петербурга домой, заехать к вам в деревню с женою и сыном. Такой советник, как ты, достоин быть другом от армии бригадиру, и я начал уже со всеми вами обходиться без чинов.

Советница. Для нас, сударь, фасоны не нужны. Мы сами в деревне обходимся со всеми без церемонии.

Бригадирша. Ах! Мать моя! Да какая церемония меж нами, когда *(указывая на Советника)* хочет он выдать за нашего Иванушку дочь свою, а ты свою падчерицу, с Божиим благословением? А чтоб лучше на него, Господа, положиться было можно, то даете вы ей и родительское свое награждение. На что тут церемония?

Советница. Ах, сколь счастлива дочь наша! Она идет за того, который был в Париже. Ах, радость моя! Я довольно знаю, каково жить с тем мужем, который в Париже не был.

Сын *(вслушавшись, приподнимает шишку колпака).* Madame! я благодарю вас за вашу учтивость. Признаюсь, что я хотел бы иметь и сам такую жену, с которою бы я говорить не мог иным языком, кроме французского. Наша жизнь пошла бы гораздо счастливее.

Бригадирша. О Иванушка! Бог милостив. Вы, конечно, станете жить лучше нашего. Ты, слава Богу, в военной службе не служил, и жена твоя не будет ни таскаться по походам без жалованья, ни отвечать дома за то, чем в строю мужа раздразнили. Мой Игнатий Андреевич вымещал на мне вину каждого рядового.

Бригадир. Жена, не все ври, что знаешь.

Советник. Полно, соседушка. Не греши, ради Бога. Не гневи Господа. Знаешь ли ты, какую разумную сожительницу имеешь? Она годится быть коллегии президентом. Вот как премудра Акулина Тимофеевна.

Бригадир. Премудра! Вот-на, соседушка! Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость ее очень на глупость походит. Иное дело твоя Авдотья Потапьевна. О! я сказать ей могу, в глаза, и за глаза, что ума у нее целая палата. Я мужчина и бригадир, однако ей-ей рад бы потерять все мои патенты на чины, которые купил я кровию моею, лишь бы только иметь разум ее высокородия.

Сын. Dieu![2] Сколько прекрасных комплиментов, батюшка! тесть! матушка! теща! А сколько умов, голова головы лучше.

---

[1] Увы!

[2] Боже!

Советник. А я могу и о тебе также сказать, дорогой зятюшка, что в тебе путь будет. Прилежи только к делам, читай больше.

Сын. К каким делам? Что читать?

Бригадир. Читать? Артикул и устав военный; не худо прочесть также инструкцию межевую молодому человеку.

Советник. Паче всего изволь читать уложение и указы. Кто их, будучи судьею, толковать умеет, тот, друг мой зятюшка, нищим быть не может.

Бригадирша. Не худо пробежать также и мои расходные тетрадки. Лучше плуты-люди тебя не обманут. Ты тамо не дашь уже пяти копеек, где надобно дать четыре копейки с денежкой.

Советница. Боже тебя сохрани от того, чтоб голова твоя наполнена была иным чем, кроме любезных романов! Кинь, душа моя, все на свете науки. Не поверишь, как такие книги просвещают. Я, не читав их, рисковала бы остаться навеки дурою.

Сын. Madame, вы говорите правду. О! Vous avez raison[3]. Я сам, кроме романов, ничего не читывал, и для того-то я таков, как вы меня видите.

Софья *(в сторону).* Для того-то ты и дурак.

Сын. Mademoiselle, что вы говорить изволите?

Софья. То, что я о вас думаю.

Сын. А что бы это было? Je vous prie[4], не льстите мне.

Советник. Оставь ее, зятюшка. Она, не знаю о чем-то, с ума сходит.

Бригадир. О! Это пройдет. У меня жена перед свадьбою недели полторы без ума шаталась; однако после того лет десятка с три в таком совершенном благоразумии здравствует, что никто того и приметить не может, чтобы она когда-нибудь была умнее.

Бригадирша. Дай Бог тебе, батюшка, здоровье. Продли Бог долгие твои веки; а я, с тобой живучи, ума не потеряла.

Советник. Всеконечно, и мне весьма приятно, что дочь моя иметь будет такую благоразумную свекровь.

Советница *(вздыхает).* Для чего моей падчерице и не быть вашею снохой? Мы все дворяне. Мы все равны.

Советник. Она правду говорит. Мы равны почти во всем. Ты, любезный друг и сват, точно то в военной службе, что я в статской. Тебе еще до бригадирства распроломали голову, а я до советничества в Москве ослеп в коллегии. В утешение осталось только то, что меня благословил Бог достаточком, который нажил я в силу указов. Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая была охотница до корнетов, манжет и прочих вздоров, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.

Советница. Неужели ты меня мотовкой называешь, батюшка? Опомнись. Полно скиляжничать. Я капабельна[5] с тобою развестись, ежели ты еще меня так шпетить станешь.

Советник. Без власти Создателя и Святейшего Синода развестись нам невозможно. Вот мое мнение. Бог сочетает, человек не разлучает.

Сын. Разве в России Бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение – любить, изменять, жениться и разводиться.

Советник. Да то во Франции, а не у нас, правоверных. Нет, дорогой зять, как мы, так и жены наши, все в руце Создателя. У него все власы главы нашея изочтены суть.

Бригадирша. Вить вот, Игнатий Андреевич, ты меня часто ругаешь, что я то и дело деньги да деньги считаю. Как же это? Сам Господь волоски наши считать изволит, а мы, рабы

---

[3] Вы правы.

[4] Прошу вас.

[5] От *фр.* capable – способна. В дальнейшем даются только переводы французских слов и выражений.

его, мы и деньги считать ленимся, – деньги, которые так редки, что целый парик изочтенных волосов насилу алтын за тридцать достать можно.

Бригадир. Враки. Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я – бригадир, и ежели у пяти классов волосов не считают, так у кого же и считать их ему?

Бригадирша. Не греши, мой батюшка, ради Бога. У него генералитет, штаб – и обер-офицеры в одном ранге.

Бригадир. Ай, жена! Я тебе говорю, не вступайся. Или я скоро сделаю то, что и впрямь на твоей голове нечего считать будет. Как бы ты Бога-то узнала побольше, так бы ты такой пустоши и не болтала. Как можно подумать, что Богу, который все знает, неизвестен будто наш табель о рангах? Стыдное дело.

Советница. Оставьте такие разговоры. Разве нельзя о другом дискюрировать[6]? Выбрали такую сурьезную материю, которую я не понимаю.

Бригадир. Я и сам, матушка, не говорю того, чтоб забавно было спорить о такой материи, которая не принадлежит ни до экзерциции, ни до баталий, и ничего такого, что бы…

Советник. Что бы по крайней мере хотя служило к должности судьи, истца или ответчика. Я сам, правду сказать, неохотно говорю о том, о чем, разговаривая, не можно сослаться ни на указы, ни на уложенье.

Бригадирша. Мне самой скучны те речи, от которых нет никакого барыша. *(К Советнице.)* Переменим, свет мой, речь. Пожалуй, скажи мне, что у вас идет людям, застольное или деньгами? Свой ли овес едят лошади или купленный?

Сын. C'est plus intéressant[7].

Советница. Шутишь, радость. Я почему знаю, что ест вся эта скотина?

[6] Разговаривать.

[7] Это более интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.